

~~А 146~~

ОТЪ

О Р Е Н Ъ У Р Г А

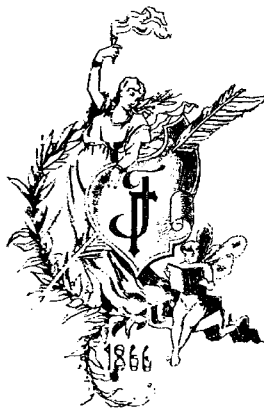
Д О

Т А Ш К Е Н Т А

Путевой очеркъ

Н. Н. К А Р А З И Н А.

Съ 7 отдѣльными листами рисунковъ
и 22 рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издательство Германъ Топпе.

1886.

ОТЪ
О Р Е Н Ъ У Р Г А
Д О
Т А Ш К Е Н Т А .

Г Л А В А I .

Ѣзкій свистокъ локомотива... Звонокъ... Суетня въ вагонахъ; торопливый, почему-то всегда тревожный, разборъ мѣшковъ, пѣдковъ, зонтиковъ и т. п.... Станція Оренбургъ!... Ну, слава Богу, доѣхали!...

Неуклюжій, широкоплечій татаринъ-атлетъ съ нумерной бляхой на груди чуть не выхватываетъ у васъ изъ рукъ багажный билетъ, нагружается вашими чемоданами и влечетъ васъ самихъ къ выходу.

— Куда барынь нанимать?... Въ Еропійскую?...

— Ну, конечно!

Европейская гостинница — лучшая въ городѣ; она дѣйствительно очень удовлетворительна, не изъ худшихъ была-бы и въ любой столицѣ; тамъ преимущественно собираются путешественники, ѣдущіе въ степь и по сибирско-тронскому тракту; тамъ контора для всевозможныхъ справокъ; тамъ, однимъ словомъ, вы устроитесь окончательно сообразно вашему дальнѣйшему намѣренію

Только отъ Оренбурга начинается ваше настоящее путешествие. До сихъ поръ вы не путешествовали. Что за путешествіе въ вагонѣ, по независящему отъ воли вашей маршруту! Васъ просто везутъ такъ-же точно, какъ и вашъ чемоданъ въ багажномъ вагонѣ; такъ-же, какъ и вашъ чемоданъ, вы снабжены билетомъ, нумеромъ, и этотъ билетъ есть именно главное лицо, а не вы; вы сами безъ билета — нуль. Васъ взяли за извѣстную плату доставить до такого-то пункта въ данный срокъ и доставляютъ. Вы обезличены, заперты и влекомы со всѣми признаками насильственности. Отъ Оренбурга — другое дѣло! От-

сюда вы ѣдете сами, вы останавливаетесь гдѣ и когда вамъ угодно, вы двигаетесь со скоростью, отъ васъ самихъ зависящей. — Трогай!.. Ну, пошевелей!.. Пошелъ шагомъ, пройтись хочю!.. Стой!.. Гони во всю!.. — Это уже ваши собственныя повелительныя наклоненія... Уже не мелькаютъ болѣе или менѣе интересные для васъ предметы въ узкихъ четырехугольникахъ вагонныхъ оконъ, — нѣтъ! Все встрѣчное, попутное, все, что развертывается передъ вашими глазами ввидѣ разнообразныхъ пейзажей, все это стройною панорамною движется передъ вами по вашему желанію, вполне доступно для наблюдений, занимаетъ васъ, увлекаетъ даже и дѣлаетъ гораздо менѣе утомительнымъ ваше путешествіе.

Вы уже не дышите болѣе кухонною вонью станцій, ѣдимъ дымомъ кокса, промозглою, пыльною атмосферою вагонныхъ обивокъ. Вы полною грудью вдыхаете ароматный степной воздухъ. Аппетитъ вашъ растетъ, сонъ дѣлается прочнѣе, устойчивѣе, и, просыпаясь, вы не чувствуете себя разбитымъ, утомленнымъ вдвое, — а напротивъ богатыремъ глядите вдаль, и не страшитъ васъ эта безконечная лента дороги, эта безконечная степная ширь, сливающаяся съ голубою дымкою горизонта.

Однако все-таки къ подобному путешествію надо основательно приготовиться. И вотъ эти приготовления надо сдѣлать именно здѣсь, въ Оренбургѣ.

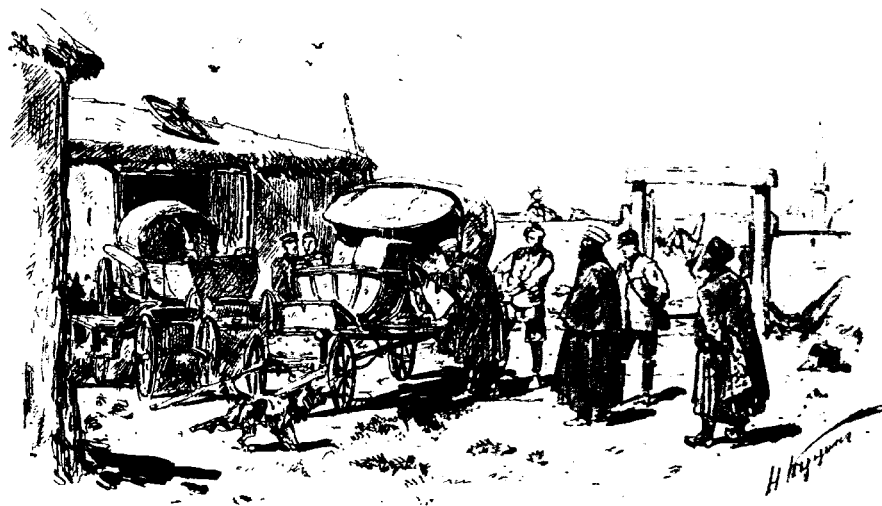
Прежде всего надо обзавестись тарантасомъ. Тарантасъ — это типичный, универсальный экипажъ, созданный странною необъятною, дорогами, измѣряемыми тысячами верстъ. Недаромъ воспѣлъ его одинъ изъ нашихъ маситыхъ писателей сороковыхъ годовъ слово „тарантасъ“ связано неразрывно съ поэзією путешествій, со всѣми его удобствами и неудобствами.

Тарантасъ долженъ быть крѣпокъ, удобочинимъ во всякой бѣднѣйшей кузницѣ и даже среди дороги, легокъ, устойчивъ, накатистъ, много вмѣстимъ при этомъ, однимъ словомъ — долженъ отвѣчать всѣмъ

условіямъ дальней дороги. И онъ въ дѣйствительности совмѣщаетъ въ себѣ всѣ эти качества.

Лучшими экипажами этого рода безспорно считаются казанскіе — романовскіе; отдѣленіе этого мастера существуетъ и въ Оренбургѣ, съ тѣхъ поръ какъ

Прежде, когда орско-казанско-ташкентскій трактъ хотя и существовалъ, но по достоинству считался неблагоустроеннымъ. — поѣзка отъ Оренбурга до Ташкента совершалась при хорошемъ стеченіи обстоятельствъ въ мѣсяцъ, а при дурномъ — гораздо

городъ этотъ сталъ конечнымъ относительно рельсового пути и начальнымъ относительно колеснаго.

Но лучше всего найти тарантасъ подержанный, уже слѣвавшій нѣсколько тысячъ верстъ, такъ сказать вполне испытанный; подновятъ, подчистятъ и кое-что починятъ въ немъ второстепенное въ нѣсколько часовъ, много въ сутки, но за то вы уже вполне увѣрены въ прочности главнаго, т. е. хода, осей и дрогъ, а это очень важно.

Всѣ ѣдущіе изъ степи (въ Россію, какъ говорятъ здѣсь) оставляютъ свои тарантасы на дворѣ Европейской гостиницы, поручая продажу ихъ и отдачу въ наемъ, на прокатъ, содержателю гостиницы. Во всякое время на обширномъ дворѣ этого учрежденія вы найдете не одинъ десятокъ разнокалиберныхъ тарантасовъ, между которыми вы навѣрняка можете выбрать то именно, что вамъ нужно. Здѣсь же опытные дворники уложатъ въ кузовъ ваши вещи, прикрѣпятъ надежно сзади ваши тюки, чемоданы или сундуки, смажутъ оси, снабдятъ васъ веревками, саломъ и прочимъ, и вы можете на нихъ вполне положиться въ этомъ отношеніи... Вы вѣдь вернетесь когда-нибудь и остановитесь здѣсь же, здѣсь же сдадите снова въ ихъ руки уже ненужный вамъ экипажъ, а они дорожатъ своимъ реномѣ и главное получкою хорошаго матеріальнаго одобренія, въ которомъ, конечно, вы имъ не откажете, — вполне довольные окончаннымъ благополучно путешествіемъ.

долге; тогда путешественнику надо было заботиться о многомъ, запасаться всѣмъ необходимымъ для про довольствія и самозащиты, и малѣйшій пробѣлъ въ этихъ заботахъ могъ грозить серьезнымъ бѣдствіемъ; тогда сборы въ дорогу въ Оренбургѣ тянулись нѣлыми недѣлями. Теперь не то! Теперь, какъ вы увидите далѣе, озаботившись хорошимъ экипажемъ, захвативъ съ собою чаю, сахару, вина, кое-что изъ закусокъ, вы можете смѣло окунуться съ головою въ объятія степей и знать напередъ, что вы навѣрное въ какія нибудь двѣ недѣли очутитесь въ роскошныхъ садахъ долины Ангрена и Чирчика, у водопадной арки, случайныхъ триумфальныхъ воротъ столицы Туркестанскаго края.

Итакъ, вы тарантасъ купили, уложились, сѣли, вѣрнѣе комфортабельно легли во всю длину, крикнули ямщику «съ Богомъ!» и тронулись... Поддужный колокольчикъ забрякаетъ сначала робко, какъ будто нерѣшительно, затѣмъ развернулся во всю ширь... «защелкать-засвистать»... бубенцы загромыхали... Боковой вѣтерокъ относитъ пыль въ сторону... И потянулись мимо васъ справа и слѣва роскошныя пажити и пастбища оренбургскихъ степей, предгорій Урала. Справа все время провожаетъ васъ серебряная, окаймленная лѣсками, лента этой исторической вольнолюбивой рѣки; впереди чуть-чуть синѣютъ выси Губерлей, одной изъ группъ главнаго отрога.

ГЛАВА II.

танцій: Вязовская, Верхнеозерная, Красногорская, Нижнеозерная, Гирьяльская, Ильинская, Подгорная, — все это имена историческія: это побѣдоносный путь Емельки Пугачева. Здѣсь началась и разыгралась кровавая историческая драма — «Пугачевщина»; здѣсь разыгралась и семейная драма «Капитанской дочки». Въ настоящее время все это роскошныя, богатыя станицы оренбургскаго казачьяго войска, поражающія васъ своимъ просторомъ и признаками довольства и зажиточности. Широкія улицы, опрятныя домики-мазанки, высокія, издалика бѣлѣющіяся церкви, зеленъ садовъ, а главное безчисленныя золотыя скирды еще непочатаго, прошлогодняго хлѣба радуютъ вашъ взоръ при вѣздѣ въ каждую станицу. Скотъ сытый, веселый, лошади, рвущіяся въ упряжки, бодрья, круто-ребрыя, лица казачьи красныя, полупьяныя, казачки пестро-нарядно одѣтыя, ребятишки звонкоголосые, — все это, вмѣстѣ взятое, съ роскошною природою, съ тучными черноземными пашнями развертывается передъ вашими глазами въ одну стройную, гармоничную картину благосостоянія. Эти два года какъ разъ были особенно хлѣбородны: хлѣбъ полешевѣтъ до минимума. Табуны пополнились, деньги подорожали, — чего же лучше? Почты здѣсь вольныя, т. е. сланныя на руки станичника. За прогоны всякъ радъ возить, и потому въ лошадахъ недостатка на станціяхъ нѣтъ, и лошади не приморены усилненнымъ гономъ. Станціи помѣщаются въ лучшихъ избахъ, опрятны, просторны; путешественникъ всегда можетъ, — конечно, только не ночью, — найти тарелку горячихъ шей, жаренаго гуся, однимъ словомъ — все, что нужно.

Въ нѣкоторыхъ станицахъ населеніе смѣшанное, русско-татарское; есть одна станица — Никольская — татарская слобода; тамъ вмѣсто бѣлой колокольни съ золотымъ крестомъ надъ группами соломенныхъ и тесовыхъ крышъ поднимается тонкій профиль минарета, и въ часы священнаго намаза уныло проносятся въ воздухѣ выкрикиванія стиховъ Корана. Это тоже все войсковые казаки, и надъ скуластымъ лицомъ станичника красуется все тотъ-же синий, форменный околышъ фуражки. Женщины-татарки ходятъ съ закрытыми лицами и неохотно показываются на проезжихъ улицахъ. Здѣсь жизнь идетъ тише, замкнутѣе, но это только внѣшняя, незначашая различія... Экономическій бытъ такой мусульманской станицы ничѣмъ не отличается отъ быта остальныхъ ста-

ницъ, только развѣ что кабака здѣсь нѣтъ и въ праздничный день разгула пьянаго не видно.

За эту станицею мѣстность значительно мѣняется; степной характеръ мало-по-малу исчезаетъ; выси Губерлей бѣгутъ вамъ на встрѣчу; дорога идетъ на подъемъ, мѣстами косогориста... Еще станція, и вы будете въ «Подгорной», гдѣ начало длиннаго, хорошо разработаннаго, почти стоверстнаго перевала съ переѣздомъ небольшою, необыкновенно живописною долиною рѣчки Губерли, одного изъ притоковъ Урала.

На горныхъ станціяхъ васъ непременно встрѣтятъ продавщицы платковъ изъ тончайшаго, теплаго и необыкновенно легкаго козьяго пуха. Здѣшнія горныя козы бѣлаго и сѣраго цвѣтовъ даютъ этотъ превосходный вязальный матеріалъ, разработкою котораго круглый годъ занято все женское населеніе края, отъ десяти чуть не до восьмидесятилѣтняго возраста, и надо отдать справедливость — издѣлія изъ пуха, выходящія изъ ихъ искусныхъ рукъ, достигаютъ полнаго совершенства. Въ продажѣ эти платки и шали такъ и носятъ названіе оренбургскихъ; они извѣстны не только нашимъ городскимъ модницамъ и любительницамъ, но приобрѣли добрую славу и за-границею, особенно въ Парижѣ, гдѣ они очень дороги и составляютъ предметъ роскоши... Тонкость пуховой нити и вязанья по истинѣ изумительна. Платокъ около двухъ квадратныхъ саженей можно свободно протянуть за конецъ сквозь обыкновенное обручальное кольцо.

Могу только посовѣтовать одно: когда вы ѣдете туда, то постарайтесь не соблазняться прелестью товара и его мѣстною дешевизною, но за то, когда будете возвращаться *оттуда*, то запаситесь предлагаемымъ въ возможно большемъ количествѣ — стойте!

За Подгорной экипажъ вашъ начинаетъ спускаться въ долину Губерли. Обрамленная горными скатами, покрытыми тучнымъ ковылемъ, эта долина представляетъ собою чудную панораму: всюду богатая растительность, черноземныя пашни, водные затоны, заросшіе камышемъ и кустарникомъ, мѣстами красивыя обнаженія горныхъ породъ, преимущественно яшмы, и веселая серебряная ниточка рѣчки, обыкновенно мирной и скромной, но за то разрушительно-бурливой во время весенняго и осенняго половодья.

Дорога идетъ то узкою ложиною, вся покрытая тѣнью дубовъ и вязовъ, то лѣпится высокимъ карнизомъ, обрамленнымъ каменнымъ барьеромъ, то спускается круто, на переѣздъ черезъ потокъ — вбродъ или по подозрительно-зыбкому мостику, пока передъ

вашими глазами разом не появляется станица Губерлей, красивѣйшая изъ всѣхъ по этому тракту.

Собственно переваль черезъ горы начинается отъ этой станціи и оканчивается у слѣдующей — Хабарной. Онъ идетъ періодическими подъемами и небольшими спусками. Каменистая широкая дорога, натуральное шоссе, разработана превосходно. Сытая, крѣпкая тройка казачьихъ лошадей мчитъ васъ полнымъ карьеромъ, не разбирая, гдѣ въ гору, гдѣ подъ гору. Эта станція служитъ главнѣйшимъ и окончательнымъ экзаменомъ прочности вашего экипажа, и если, подкатывая къ станціи Хабарной, оси и колеса пѣлы, то вы можете уже быть совершенно увѣрены, что тарантасъ вашъ безъ починки прокатится всю дорогу до Ташкента и обратно. Станція эта болѣе тридцати верстъ, а вы ее слѣдали менѣе чѣмъ въ два часа, — скорость чуть-чуть что не пассажирскаго поѣзда. Какъ дышется легко чуднымъ горнымъ воздухомъ, когда вы съ вершины перевала видите всю панораму Губерлей! Холмы на холмы грядами, словно остывшія, окаменѣвшія волны моря, громоздятся одни на другіе; впереди, нѣсколько вправо, тянется безконечно далекая синяя полоса другого, покойнаго моря, — это степь и степь уже не наша — киргизская, азіятская; тамъ чуть-чуть бѣлѣетъ соборъ Орска, а до него еще почти сорокъ верстъ... Вереницы мелкихъ птишекъ живыми щебечущими гирляндами унизали телеграфныя проволоки, а еще выше, куда вы, конечно, ни на какой лихой тройкѣ не доскачете, медленно, плавно носятся колоссальныя орлы, и слышенъ ихъ рѣзкій, гортанный клѣкотъ.

Часа черезъ два съ половиною вы миновали уже послѣднюю станцію Европейской Россіи, когда-то грозную пограничную крѣпостцу форпостъ Хабарный, названный вѣроятно такъ потому, что здѣсь «хабаръ», т. е. выгода, взятка, въ старину играла роль не маловажную. Подъ самымъ Орскомъ вы переѣзжаете рѣку Уралъ, весною на паромѣ, лѣтомъ по деревянному плавучему мосту, и можете себя поздравить: первая полныя сутки вашего далекаго путешествія окончены благополучно, и вы уже не въ

Европѣ. Съ этой минуты все, что васъ окружаетъ, все это уже настоящая Азія, обрусѣвшая, положимъ, но уже отмѣченная особою характерною печатью. Вы теперь у предверія колоссальныхъ равнинъ, населенныхъ номадами, равнинъ, на пастбищахъ которыхъ собрались великія орды монголовъ, наводнившихъ Русь и проникшихъ даже со своими вождями-завоевателями до береговъ Марны.

Въ Орскѣ, или, какъ киргизы называютъ эту упрямленную крѣпость, «Джаманъ-Кала», т. е. въ скверной, злой крѣпости, я долго оставаться не съѣтую. Городъ этотъ ничѣмъ особенно не замѣчателенъ и давно потерялъ свое мѣновое, торговое значеніе стѣннаго рынка. Около него теперь на свободныхъ мѣстахъ струшировалось много поселковъ русскихъ поселенцевъ, трудолюбивый плугъ которыхъ далеко врѣзался въ глубину когда-то вольныхъ степей, внося туда въ значительной степени характеръ осѣлости и постоянства.

Рѣка Оръ, отъ которой и городъ самъ получилъ названіе, составляетъ одинъ изъ лѣвыхъ притоковъ Урала и долго еще будетъ сопровождать васъ въ степномъ путешествіи.

Эта рѣка — главнѣйшій ороситель приорской черноземной полосы, которая скоро совсѣмъ лишится своего изстари кочеваго населенія, смѣняющагося изо дня въ день прибывающимъ осѣлымъ народомъ.

Начало этой благотѣльной метаморфозы надо отнести, приблизительно, къ концу пятидесятихъ годовъ; самое-же успѣшное заселеніе степи хлѣбопашами развелось съ упроченіемъ нашей власти въ глубинѣ Азіи, т. е. къ началу семидесятихъ годовъ, когда независимость Бухары, Коканы и Хивы спѣла свою лебединую пѣсню и разнузданная воля азіатскихъ деспотовъ перестала враждебно вліять на нашу восточную окраину. Съ перенесеніемъ нашихъ форпостовъ почти на двѣ тысячи верстъ впередъ страхъ постоянныхъ набѣговъ и раззоровъ (баранты) смѣнился полною увѣренностью въ безопасности, а съ этою увѣренностью повсюду быстро водворились миръ и спокойствіе.

ГЛАВА III.

Степь широкая, безпредѣльная, но, самое правильное, — степь киргизская разстилается скатертью передъ вашими глазами.

Долго теперь не придется путешественнику увидѣть даже одинокаго дерева, за исключеніемъ того, что синимъ комочкомъ маячитъ далеко вправо надъ могилію забытаго святаго, — это Аулье-Агачъ, священное дерево, единственное въ степи, правильнѣе на ся окраинѣ.

Пока еще вы не замѣчаете ничего кочеваго: направо и налево тянутся пашни, засѣянные пшеницею, бакши съ арбузами и огурцами, заказные дуга съ пѣлыми городами еще прошлагодняго, неизрасходованнаго за избыткомъ, сѣна. Кое-гдѣ дымятся шалаши и юрты сторожей; по боковымъ дорогамъ медленно шагомъ тащатся нагруженные телѣги, мелькаютъ красные кумачные платки на головахъ русскихъ бабъ и наши родныя синія и бѣлыя рубахи съ ластовками... Это все земли, отвѣленные для поселенцевъ. Далѣе уже начинаютъ попадаться зимовки киргизовъ видѣ длинныхъ приземистыхъ сакель и загородей изъ камыша; мечеть торчитъ своимъ спицомъ около дороги; возгъ — изба съ рѣзными косяками и воротами, — это помѣщеніе администраціи волости; у воротъ десятка три разномастныхъ осѣдланыхъ лошадей и колышутся косматые красновѣрхіе киргизскіе малахан (шапки). Еще десятковъ верстъ, и вы ясно различаете красныя крыши первой станціи.

Почтовая станція по всему степному тракту, вплоть до начала Каракумовъ, у станціи Джулюсь, границы Туркестана, построены по одному образцу.

Въ центрѣ, фасадомъ къ дорогѣ, большой деревянный одноэтажный домъ, раздѣленный сквознымъ корридормъ на двѣ половины: на фасадъ выходитъ крыльцо съ навѣсомъ, съ неизбѣжнымъ полосатымъ столбомъ, съ надписями и показаніями верстъ и фонаремъ; налево изъ зверей — половина для приѣзжающихъ, состоящая изъ большой комнаты, казенно-меблированной; направо — помѣщеніе для смотрителя. По бокамъ главнаго строенія, отдѣленные отъ него воротами, съ одной стороны жилая изба для ямщиковъ, съ дру-

гой — амбаръ для овса и упряжи. Громадный дворъ примыкаетъ сзади, и въ немъ устроены крытыя помѣщенія для лошадей; неподалеку отъ каждой станціи имѣется кузница; еще подалеке сложены запасы сѣна и топлива.

Едва вы подъѣзжаете къ станціи и тамъ слышали звонокъ почтоваго колокольчика, какъ видите, что изъ воротъ выносятся конный киргизъ и стремглавъ мчится въ степь... Это онъ за лошадьми, табунъ которыхъ пасется иногда за двѣ или за три версты... Тамъ онъ отгонитъ очередную тройку и также въ карьеръ подведетъ ее къ вашему уже отпряженному тарантасу. Вы не бойтесь! Эти съ виду совсѣмъ дикіе, степные кони, недовѣрчиво косящіеся на вашъ экипажъ, дико храпящіе и не всегда покойно дающіеся запрягать, не разобьютъ васъ въ дребезги, но понесутъ навѣрное и будутъ нести, можетъ быть, всю станцію; тѣмъ лучше: скорѣе доѣдете. Дороги здѣсь превосходныя, гладкія — неси хоть очертя голову! Испытанный экипажъ выдержитъ, а лихой киргизъ-ямщикъ справится, если нужно будетъ.

Случается иногда, что пристяжныхъ можно пристягнуть только на внутреннія постромки; человекъ шесть держатъ ихъ, уцѣпившись за уши и за гривы, накрываютъ даже головы коней халатами. Ямщикъ садится на козла, подбираетъ возжи, кричитъ: «пускай!» Тройка взвивается на дыбы, порывисто бросается впередъ, бьетъ, но версту, не болѣе. Скоро лошади приходятъ въ себя и несутся ровнымъ галопомъ, едва поспѣвая за дробною, раскачною рысью коренастаго коренника-иноходца... Понукать ямщика не приходится; двугривенный на чай вызываетъ съ его стороны самую полную признательность.

Сравненіе ковыльной степи съ моремъ очень удачно. Дѣйствительно, когда вы взглянете въ эту безпредѣльную равнину, поросшую густымъ шелковистымъ ковылемъ, волнующимся при малѣйшемъ дуновеніи легкаго степнаго вѣтра, сверкающимъ на солнцѣ стальнымъ отблескомъ, сходство съ волною поверхностью изумительно. Мѣстами словно острова поднимаются старые сторожевые курганы; да-

леко чернѣютъ закопченные верха кибитокъ киргизскихъ ауловъ; черный дымъ вѣется надъ ними. Въ волнахъ ковыля медленно бродятъ косматые верблюды, пе- стрѣютъ веселые табуны коней, словно талый снѣгъ бѣлѣютъ несмѣтныя овечьи атары. Полудикіе всадники съ гикомъ и свистомъ несутся по степи, то исчезая въ дымокъ знойной мглы незамѣтными точками, то взле- тая на курганъ и неподвижными силуэтами останавли- ваясь тамъ, словно на стражѣ... Издалека слышны за- унывныя пѣсни, блеяніе овецъ, хриплый, свирѣпый, задыхающийся отъ злости, лай собакъ, Богъ вѣсть от- куда на-перерѣзъ несущихся на звукъ почтового ко- локольчика... Живая, характерная картина!..

Длинными ве- реницами, мело- дично позванная бубенцами, тянут- ся торговые кара- ваны; тяжелые по- лосатые токи важ- но колышатся по бокамъ верблю-

довъ, философически на ходу пережевывающихъ свою воющую жвачку. Иные караваны тянутся на коле- сахъ, нѣчто въ родѣ телѣгъ нашихъ. Это везутъ въ Оренбургъ, а оттуда въ Нижній запасы бухарскаго хлопка.

Всторонѣ вы давно уже замѣтили эту группу, но не разобрали пока хорошенько... Теперь уже близко; вы видите, какъ на горбѣ покрытаго швѣтнымъ ков- ромъ верблюда колышется странная фигура въ вы- сокомъ остроконечномъ колпакѣ и яркочвѣтномъ ко- стюмѣ. Шея этой женщины увѣшана ожерельемъ; на лобъ сдвинулись металлическія подвѣски; золотые га- луны и бахрома идутъ по швамъ ея бешмета. Это невѣста ѣдетъ въ аулъ жениха и везетъ свое прида- ное... Гонять овецъ, верблюдовъ; на коняхъ сопро- вождаютъ ее родные и знакомые... И эта группа скрылась изъ глазъ, замѣненная новыми явлениями... Вотъ вы обгоняете тяжелый дорожный фургонъ съ цѣлымъ населеніемъ, — это семейный кто нибудь пе- ребирается на службу въ Туркестанъ со всѣмъ сво- имъ скарбомъ, чадами и домочадцами.

А вы все летите и летите, почти не замѣчая, какъ перепрыгаютъ вамъ лошадей, какъ смазываютъ разго- рѣвшіяся оси... А солнце поднялось уже высоко, па- лить во всю! Степной воздухъ вызываетъ жгучую жажду, и вы съ нетерпѣніемъ поглядываете впередъ, ищите въ колеблющейся полосѣ миража признаковъ крыши слѣдующей станціи и мысленно сидите уже тамъ за ярко вычищеннымъ пыхтящимъ и весело по- свистывающимъ самоваромъ.

По всему протяженію степи, вплоть до Казалинска, уже на Сыръ-Дарьѣ, существуетъ только два этап- ныхъ осѣдлыхъ пункта: это фортъ Карабутокъ и фортъ Иргизъ; послѣдній теперь считается уѣзднымъ городомъ. Прежняя роль этихъ пунктовъ была до- вольно серьезная — здѣсь жизнь шла преимущественно

военная, и оба форта населены были довольно мно- гочисленнымъ гарнизономъ. Наши власть и вліяніе на кочевниковъ поддерживались главнымъ образомъ оружіемъ, и, правду сказать, вліянія Хивы съ юга и Бухары съ юго-востока были гораздо сильнѣе на- шего. Собщеніе велось посредствомъ *окалий*, т. е. періодически, разъ въ мѣсяцъ; транспорты и пасса- жиры перебирались походнымъ порядкомъ и подъ сильнымъ конвоемъ. Случаи грабежа и захватовъ были явленіемъ обыденнымъ. Теперь не то. Съ полнымъ паденіемъ Хивы, Бухары и Кокана, съ распростране- ніемъ нашей власти за бассейнъ не только Сыръ-, но и Аму-Дарыи злѣшнія степи утратили навѣки свой враждебный характеръ, обрусѣли, стихли, и теперь вы можете спокойно довѣрить свое имущество и даже семейство степному тракту.

Карабутокъ теперь опустѣлъ; въ немъ только квартируетъ маленькая этапная команда съ комендан- томъ и помѣщаются почтовое и телеграфное приѣм- ные отдѣленія — такъ-же, какъ и въ Иргизѣ. Только недавно электрическая проволока соединила Каза- линскъ съ Орскомъ; до сихъ поръ собщеніе теле- графное съ Ташкентомъ велось на Омскъ, Семипа- латинскъ и Вѣрный, гдѣ телеграфъ открылъ свои дѣйствія ранѣе.

За Карабутокомъ ха- рактеръ степи нѣсколько измѣняется; ковыль мало- по-малу исчезаетъ, а съ нимъ и кочевое приволье. Степь, покрытая полынью и перекатиполе, пустѣетъ; только атары овецъ уве- личиваются, благодаря близости солончаковъ, любимыхъ пастбищъ для этихъ четвероногихъ.

Путешественники вродь переѣзжаютъ песчаное ложе Аксая, и скоро передъ вами появляется рѣка Иргизъ, извѣстная своими колоссальными весенними разливами. Надъ рѣкою, по крутобережку, лѣпится городъ Иргизъ, пыльный и невыносимо скучный, точно вымершій, съ остатками укрѣпленій и длиною базарною улицей, оживленной только въ дни база- ровъ, когда кочевой людъ со всѣхъ концовъ сво- зить сюда свои незатѣливые товары, главное — скоть на продажу, чаще на промѣнъ за красный товаръ, хлѣбъ и проч.

За Иргизомъ степь опять измѣняется и еще болѣе къ худшему: полынъ смѣняются сплошные солончаки съ перекатыми песками, поросшими жидкою колючкою. Словно верб- люжья шерсть торчитъ изъ раска- ленной почвы эта жалкая раститель- ность; ѣдкая соленая пыль рѣжетъ гла- за, стѣсняетъ дыханіе, и вы рады-раде- хоньки, когда, прокативъ еще верстъ полтора, прибываете на границу песковъ Каракумъ, совпадающую съ границей Туркестанскаго округа.

ГЛАВА IV.

аракумы (черные пески) — немножко страшное, но пугающее только новичков название — вовсе не представляют собою ничего ужасного; эта местность не лишена даже изрядной растительности, служащей прекрасным кормом для неприхотливых верблюдов и своеобразных по вкусу овец. Раз-

личные породы джизгановъ, саксауль, солянка, мѣстами полынъ и повсемѣстно колючка вполне удовлетворяютъ значительныя табуны горбоносыхъ кораблей пустыни и курдючныхъ барановъ; кромѣ того, Каракумы, какъ мѣстность низменная, замѣтно склоняющаяся къ Аральскому морю, изобилуютъ колодцами, частью съ водою солоноватою, не совсѣмъ приятною на вкусъ, часто же и превосходною, холодною какъ ледъ и чистою какъ кристалль. Всѣ почтовые станціи по этой мѣстности расположены на такихъ колодцахъ разстояніи, отдѣляющія эти станціи одна отъ другой, рѣдко гдѣ превышаютъ двадцать верстъ, а потому кони свободно раза по два, а то и по три пробѣгаютъ это пространство, и это очень важно въ томъ отношеніи, что на каракумскихъ станціяхъ не держатъ большаго числа запасныхъ лошадей, за трудностью полвоза дорогаго фуража, и ограничиваются шатными казеннымъ числомъ троекъ, то-есть семью, съ одною лошадию лишнею.

Ст. предверіемъ песковъ совпадаетъ, какъ я уже сказалъ, и предверіе Туркестана. Первое, что замѣтно сразу наблюдателю-путешественнику, этонойсо-

вершенно типъ станціонныхъ построекъ; за дороговизною дѣснаго строительнаго матеріала онѣ здѣсь всѣ глинобитныя, съ перваго раза совершенно схожія съ каменными сооружениями; расположеніе ихъ такое же, какъ и въ деревянныхъ станціяхъ: также налѣво — для пробѣжкихъ, направо для смотрителя; такіе же боковые флигеля и большой огороженный дворъ сзади; вмѣсто дивановъ для сна устроены глинобитныя невысокія лежанки, покрытыя войлоками и цвѣтными коврами; очень удобно и красиво.

Дороги въ Каракумахъ превосходныя, твердо укатанныя; перебаты сыпучаго песка встрѣчаются рѣдко, въ котловинахъ, а привычныя кони одолеваятъ ихъ съ маху, не задерживая бѣга. Только два перегона, на параллели Аральскаго моря, близъ побережья, представляютъ собою сплошь борхоны сыпучаго, глубокаго песка, и эти станціи — одна всего въ четырнадцать, а другая только въ одиннадцать верстъ — пробѣгаются на верблюдахъ. Отъ двухъ до пяти верблюдовъ, сообразно съ величиною и тяжестью экипажа, запрягаются такъ-же, какъ и лошади, т. е. одинъ въ корню съ оглоблями, прикрѣпленными къ вьючному сѣдлу, два на пристяжкахъ и два впереди, на уносахъ; возница забирается на спину кореннаго верблюда, и такимъ образомъ медленнымъ шагомъ, мягко, беззвучно покачиваясь въ песчаныхъ глубокихъ колеяхъ, тарантасъ трогаются съ мѣста, дѣлая среднимъ числомъ пять верстъ въ часъ... Я совѣтую различитъ путь такъ, чтобы эти станціи пробѣжать ночью: во-первыхъ свѣжо, не палитъ жгучее въ этихъ накаленныхъ мѣстахъ солнце; во-вторыхъ очень ужъ покойно и выспаться можно превосходно; да кстати и мѣстность мало представляетъ собою интереса для наблюдений, а потому лучше спать и въ здоровомъ снѣ набраться силъ на новые дорожныя труды и потребности.

Въ прежнее время Каракумы пробѣжать было очень тягостно: перегоны были большіе; иной перегонъ при плохой, неразработанной дорогѣ приходилось одолевать въ цѣлый день, отъ восхода до заката солнца. Лошади и даже верблюды выбивались изъ силъ и останавливались на полудорогѣ. Приходилось бивакировать и пускать скотину на скудное пастбище. Теперь не то! Въ промежуткахъ между прежними станціями вырыты новыя колодцы, построены новыя станціи, и вы ихъ сейчасъ же отличите отъ прежнихъ по однимъ названіямъ; старыя носятъ туземныя клички, по колодцамъ, напримѣръ: Кара-Кудукъ, Куль-Кудукъ, Алты-Кудукъ, т. е. черный, озерный колодцы, шесть колодцевъ, — новыя: Константиновскій, Николаевскій — Юнійскій, Головской и т. п., то-есть съ посвященіемъ въ честь строителей и дѣятелей края.

Лѣтомъ кочевое населеніе рѣже, зимою же весьма значительно, и вашъ глазъ постоянно видитъ по сторонамъ дороги чернѣющіея верха киргизскихъ кибитокъ и пасущіяся стада. Животныя въ зимнее время добываютъ себѣ кормъ сами, отрывая промерзшіе стебли прошлогодней растительности изъ-подъ не-

глубокаго снѣга. — Близъ станціи Акъ-Джулпастъ, поднимаясь на песчаный наносный борхонтъ, вы невольно останавливаетесь на чудномъ оригинальномъ ландшафтѣ, развертывающемся передъ вашими глазами: громадный морской заливъ, какъ неподвижное зеркало, отражаетъ безоблачное, синее небо; ярко-желтые пески составляютъ его ложе и раму; бѣлая гѣна набѣгающаго береговаго прибоя очерчиваетъ границы воды и суши; отмели покрыты всевозможными водяными птицами. Тутъ, словно мелкое серебро, копошатся мириады куликовъ; бакланы и крупныя чайки съ рѣзкимъ крикомъ носятся въ воздухѣ; неподвижными черными глыбами сидятъ задумчивые орлы-рыболовы... Дорога пролегаетъ здѣсь близъ самаго прибоя, по влажному морскому песку, но скоро она поворачиваетъ лѣвѣе; вы опять одолеваете песчаный подъемъ, и вся эта интересная картина навсегда исчезаетъ изъ вашихъ глазъ, и снова справа и слѣва пески и пески — то бугристые, поросшіе ярко-зелеными кустами джизгана, то сышучіе, то гладко и прочно осѣвшіе, покрытые бѣлымъ, снѣгообразнымъ налетомъ осадочной соли.

На вершинахъ кургановъ часто виднѣются оригинальныя могильныя сооруженія номадовъ. Довольствуясь при жизни легкими, переносными жилищами, киргизы строятъ своимъ покойникамъ прочныя, почти вѣковыя зданія въ древне-индійскомъ, тяжеломъ, но крайне оригинальномъ стилѣ. Зданія подобныя имѣютъ форму четырехгранной пирамиды, усѣченной на трети своей высоты; верхняя площадь такой пирамиды украшена куполомъ и обнесена глинобитнымъ, рѣшетчатымъ барьеромъ. На лицевомъ фасадѣ — входная дверь, заложенная снизу до половины, дабы скотина не могла туда заходить; надъ входомъ высокій фронтонъ, часто украшенный рѣзбою по сырой глинѣ. Около такой богатой гробницы ютятся болѣе скромныя памятники въ видѣ плитъ и саркофаговъ. Видъ издали на такое кладбище крайне оригиналенъ и даже не лишенъ величественности. Степной миражъ, особенно при восходѣ солнца, увеличивая размѣры предметовъ, рисуетъ вашему воображенію цѣлые города какого-то давно забытаго міра, полные таинственности и загадочности.

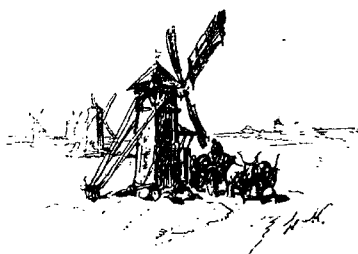
У входовъ въ могилы часто торчатъ шесты съ подвѣшенными цвѣтными тряпками и конскими хвостами; около разбросаны рога барановъ и черепа животныхъ, съѣденныхъ на погребальныхъ пирахъ.

Какъ бы далеко ни откочевалъ аулъ, но киргизы непременно хоронятъ своихъ покойниковъ на одномъ и томъ же родовомъ кладбищѣ. Случается, что возвращенное въ кошмы, задѣланное даже известью тѣло приходится везти за сотни верстъ, и вы по близости кладбища всегда почти можете увидѣть такія погребальныя процессіи: впереди ѣдетъ всадникъ, наслѣд-

никъ покойнаго, ѣдетъ въ созерцательномъ молчаніи; за плечами ружье, сбоку болтается сабля, на головѣ островерхій косматый малахай; за нимъ на верблюжьей спинѣ колышется, покрытый ковромъ, длинный сигарообразный свертокъ съ тѣломъ; сзади веренище тащатъ верхомъ родственники, друзья и знакомые — гонять съ собою жертвенныхъ, проловольственныхъ барановъ. Встрѣчные почтительно отдають селямъ (поклонъ) и очень часто, ни съ того, ни съ сего, благо времени дѣвать некуда, пристраиваются къ процессіи ради дароваго угошенія.

Версть за восемьдесятъ не доѣзжая Казалинска этого перваго культурно-административнаго пункта нашего на Сыръ-Дарьѣ, пески отходятъ назадъ; песчаная цѣпь наносныхъ холмовъ тянется еще долго слѣва, удаляясь мало-по-малу, но уже дорога проложена по солонцамъ съ примѣсомъ леса, этой сѣрой, безжизненной на видъ почвы, при орошеніи производящей буквально чудеса растительной силы. Слѣды древнихъ оросительныхъ системъ на каждомъ шагу свидѣтельствуютъ о прежнемъ, давно отошедшемъ въ вѣчность благосостояніи края, когда-то населеннаго не жалкими кочевниками, а осѣдыми культурными племенами. Чѣмъ ближе вы подвигаетесь къ Сыръ-Дарьѣ, тѣмъ эти слѣды выступаютъ рельефнѣе и наконецъ сливаются уже съ дѣйствительностью въ узкой синеватой полосѣ на горизонтѣ, гдѣ вы различаете очертанія садовъ и наконецъ строеній города и близлежащихъ поселковъ. Первое, что васъ приятно поражаетъ, это обиліе вѣтряныхъ мельницъ, привѣтливо машущихъ своими крыльями. Бѣлый красивый городъ кокетливо прячется въ зелени садовъ, ярко сверкаетъ крестъ на церковномъ куполѣ, откуда-то торчатъ мачты судовъ, а дальше стальною полосой изгибается рѣка, обрамленная зелеными берегами... Вы уже теперь до самаго Ташкента не отклонитесь далеко отъ этого могучаго протока, по правому берегу котораго проложена большая часть казалинско-ташкентскаго почтоваго тракта.

ГЛАВА V.

о характеру мѣстности, по роду занятій и жизни населенія этотъ трактъ можно раздѣлить на двѣ части: первую — кочевую-побережную и вторую — культурно-осѣдлую. Границею той и другой, и границею рѣзкою, служить городъ Туркестанъ (Азретъ), первый большой центръ осѣдлаго населенія таджикскаго племени. Займемся пока первую половиною дороги. Большая часть этой дороги пролегаетъ береговою полосою, межъ оригинальной, крайне богатой, такъ называемой тугайной растительности. Эта часть самая занимательная для путешественника; кажется, что ѣдешь сплошнымъ зоологическимъ садомъ, такъ богата фауна этой страны. Густыя чащи камыша и какого-то гигантскаго камыша стѣнами стоятъ по бокамъ дороги; справа мѣстами просвѣчиваетъ водная полоса Сыра; слѣва надъ зеленью возвышается залитое солнцемъ желтое крутобережье материка. Межъ лѣса камыша красиво дѣлятся серебристо-зеленныя группы пахучей джиды, малиново-красныя кусты боярышника, корявые, витые стволы саксаула, этого чуднаго матеріала для топлива, все это спутано, перевито ползучими, вьющимися растениями, цвѣтеть, благоухаетъ, кишить фазанами и многочисленными породами мелкихъ пернатыхъ. Близъ береговъ стадами бродятъ дикіе кабаны; надъ водою плавно носятся тяжеловѣсные пеликаны; утки и гуси всевозможныхъ дикихъ породъ покрываютъ стоячіе затоны. На открытыхъ степныхъ переѣздахъ вы видите цѣлыя стаи дрофъ, смѣло подпускающихъ проѣзжихъ чуть не на пистолетный выстрѣлъ; красавцы стрепеты выплываютъ межъ кочекъ, поднимая столбы пыли. Иногда вы видите быстро бѣгущую пыльную струю, не отвѣчающую направленію вѣтра; взгляните хорошенько — это семья сайгаковъ удираетъ стремительно, слышавъ звонъ почтового колокольчика; красивыя антилопы легкими скачками несутся за барханы, взлетаютъ на нихъ и долго провожаютъ глазами уходящее въ даль, звенящее и грохочущее пыльное облако, гдѣ мелькаетъ дуга, гривы и хвосты коней, красная рубашка ямщика и главная причина страха — ваша бѣлая фуражка, съ которой неразлучно путешествуетъ молниеносный, дальнобойный штуцеръ, а сайгаки съ этимъ оружіемъ успѣли уже достаточно ознакомиться.

Въ прежнія времена, не очень даже отдаленныя, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, не болѣе, въ этихъ мѣстностяхъ плодился свирѣпый колоссальный хищникъ — тигръ. Встрѣча съ этой кошкою была дѣломъ обыкновеннымъ. Киргизы-скотоводы каждую ночь несли чувствительныя потери въ своихъ стадахъ и не въ силахъ были бороться съ такимъ могучимъ врагомъ. Смѣльчаки находились и между полувооруженными номадами, и имена такихъ немногихъ смѣльчаковъ получили даже легендарно-героическій ореолъ; но два-три удалыца были не въ силахъ одолѣть и изгнать изъ своего района хитрыхъ полосатыхъ бандитовъ. Я проѣзжалъ прежде не разъ этими мѣстами и самому мнѣ приходилось встрѣчаться съ тиграми; помню, что ни одинъ ямщикъ не рѣшался везти меня ночью по джунглямъ, особенно на переѣздахъ, около Кармакчей и Джулека; если и удавалось уговорить ямщика на ночной переѣздъ, то обратно киргизъ не возвращался ни за что на свѣтъ въ ту же ночь, а переждалъ до восхода солнца, когда тигры оставляютъ свои сторожевыя посты близъ дорогъ и уходятъ въ глухую чащу на отдыхъ. Мало-по-малу стали подходить и селиться здѣсь русскіе. Смѣлые, энергичныя стрѣлки занялись систематическимъ преслѣдованіемъ общаго врага, и тотъ отступилъ... незамѣтно, не разомъ, но все-таки покинуть привольное для добычи мѣсто, и теперь появленіе тигра въ районѣ Перовскаго уѣзда считается большою рѣдкостью.

Киргизы тоже большіе любители охоты, но только не рискованной. Самая любимая ихъ забава — это охота съ соколами, кречетами, даже орлами. Послѣдними пользуются для ловли лисицъ, зайцевъ и молодыхъ сайгаковъ. Охотничьи птицы дрессируются здѣсь великолѣпно. Рыбная ловля, несмотря на обиліе, представляемое какъ самимъ ложемъ рѣки, такъ и ея безчисленными озерами-затонами, не очень распространена и не организовалась въ правильныя общественныя ловы, какъ напримѣръ на Дону, Волгѣ и Уралѣ. Жизнь номадовъ по берегамъ Сыра получаетъ нѣсколько осѣдлый характеръ: киргизы строятъ постоянныя зимовки, имѣющія видъ глинобитныхъ сакель съ окнами и дверьми, обмазываютъ глиною камышевыя стѣны загоновъ и юртъ и занимаются хлѣбопашествомъ въ небольшомъ впрочемъ количествѣ; сѣютъ преимущественно просо.

Почва большею частью солончаковая, сильно разбухающая и топкая во время дождей, твердая какъ камень въ засуху, самая негодная для большихъ дорогъ. Въ распутицу ѣзда здѣсь невыносима; немного

лучше и въ жаркое время, когда глубокия выбоины отбиваютъ путешественнику бока, а ѣдкая соленая пыль разѣдаетъ глаза и вредно дѣйствуетъ на дыхательные органы. Способъ чинки такихъ дорогъ очень оригиналенъ: это нѣчто въ родѣ камышеваго шоссе; длинно срѣзанный камышь настиляется толстымъ слоемъ поперекъ дороги, и настилка эта, возобновляемая постоянно, благо матеріалъ подъ руками, утрамбовывается колесами проѣзжающихъ.

Типы населенія, несмотря на характерныя черты

монгольской расы, очень красивы; особенно между женщинами встрѣчаются положительныя красавицы, поражающія васъ энергіей во взглядѣ, веселымъ, открытымъ выраженіемъ лица и граціей въ движеніяхъ. Главные враги и отравители лѣтней жизни это міриады комаровъ, оводовъ и мошекъ, дѣлающіе лѣтніе мѣсяцы положительно невыносимыми, и единственная защита отъ такого врага — ѣдкій дымъ глѣющаго навоза.

Подѣзжая къ Туркестану, вы начинаете поне-

много отдаляться отъ главнаго русла; мѣстность становится открытою. Впереди ясно вырисовывается голубая цѣпь покрытыхъ снѣгомъ горъ и синяя полоса саванъ у ихъ предгорій. Громадный куполь Азрета видѣнъ верстъ за двадцать; наконецъ мало-по-малу начинаютъ очерчиваться правильныя линіи зубчатыхъ стѣнъ и башенъ, плоскія крыши сакель, роскошныя группы деревьевъ, и наконецъ вы пользѣждаете къ воротамъ города, невольно поражающаго васъ своимъ оригинальнымъ видомъ и новою, чисто мусульманскою, мануфактурно-осѣдлою жизнью. Вы уже теперь въ предверіи культурнаго востока.

Уже съ послѣднихъ чиселъ апрѣля появляются, почти разомъ, міриады комаровъ, первыхъ предвозвѣстниковъ грядущихъ еще болѣе неприятныхъ полчищъ; несчастныя животныя начинаютъ худѣть отъ недостатка покоя и сна. Крупныя животныя страдаютъ больше. Овцы легче всего переносятъ эти бѣдствія. Лошадн и быки предохраняются толстыми войлочными попонами и капорами съ наушниками, что придаетъ имъ крайне оригинальный, нѣсколько комичный видъ. Верблюды отгоняются подальше отъ береговъ, въ глубину песчаныхъ борхоновъ, гдѣ они не жалуются на судьбу и находятъ превосходный кормъ, такъ какъ въ это время всѣ гребни борхоновъ покрываются сочными зелеными побѣгами джизгана и гребенщика и молодою колючкою. Люди избавляются отъ назойливыхъ насѣкомыхъ пологамн изъ грубой маты (родъ бумажной ткани); безъ такого полога сонъ немислимъ, несмотря ни на какую устаюсть, и нѣтъ ни одного бѣдняка, который, отказывая себѣ во всемъ, не обзавелся-бы этимъ предохранителемъ.

ГЛАВА VI.

зятскіе города со времени прочнаго занятія ихъ русскими раздѣляются на двѣ части: туземную и нашу, не смѣшиваясь между собою. Русская часть распланирована широкими, прямыми улицами и площадями, вся обсажена въ четыре ряда деревьями, обстроена красными, хотя и приземистыми немного, бѣленькими домиками и снабжена по возможности всѣми удобствами цивилизованной жизни. Туземная — осталась въ полной неприкосновенности. Въѣзжая въ темныя ворота городской стѣны, вы попадаете въ лабиринтъ узкихъ и грязныхъ улицъ, узкихъ до того, что не вездѣ двѣ встрѣчныя арбы могутъ благополучно разъѣхаться, и долго двигаетесь по этимъ улицамъ, пока не попадете въ центральный базаръ, гдѣ вся жизнь сосредоточивается какъ въ кипучемъ котлѣ — въ ущербъ совершенно безжизненной тишинѣ улицъ. Отсутствие оконъ во внѣшнихъ стѣнахъ придаетъ улицамъ особенно печальный колоритъ; кое-гдѣ украдкою, робко, какъ молчаливыя тѣни, шмыгаютъ, закрытыя съ головою, сѣрыя фигуры женщинъ; кое-гдѣ мелькнетъ изъ-за стѣны или боязливо выглянетъ въ калитку красная тюбетейка ребенка; только по улицамъ, ведущимъ къ базару, непрерывною вереницею тянутся верблюды, всадники, арбы, группы овецъ и тяжело навьюченные ишаки, оглашающіе пыльный, душный, накаленный воздухъ невыносимо-пронзительнымъ ревомъ.

Базары, гдѣ сосредоточивается вся жизнь города, обыкновенно крытые, тѣнистые; направо и налѣво расположены лавки со всевозможными товарами по группамъ; чай-хане и харчевня, закусьонныя, помѣщаются обыкновенно на перекресткахъ, на болѣе видныхъ мѣстахъ; отъ нихъ невыносимо несетъ жаренымъ саломъ и горѣлымъ кужутнымъ масломъ. Ярководѣтные халаты, колоссальныя бѣлыя чалмы, библейскія лица, гортанный говоръ — все это вамъ напоминаетъ древній востокъ со всею своею пестротою.

Чай-хане всегда полна почитателями; здѣсь они находятъ душистый зеленый чай, ароматный дымъ кальяна, комфортъ, а главное — общество. Это клубы таджиковъ; здѣсь они узнаютъ и сообщаютъ другимъ всѣ новости дня, здѣсь идутъ совѣщанія и горячія политическія пренія, здѣсь же услышишь и вдохновенное слово проповѣди, потому что стран-

ствующие монахи-проповѣдники всегда передъ чайхане устраиваютъ свои публичныя аудиторіи. Красивые мальчики (батчи) въ длинныхъ красныхъ рубахахъ, въ шитыхъ золотомъ шапочкахъ, изъ подъ которыхъ висятъ по плечамъ туго-заплетенныя косички, разносятъ чай и кальянъ. Колоссальныя самовары, большею частью тульскаго происхожденія, испускаютъ густыя облака пара; сверкаютъ мѣдныя чеканенныя кунганы, и синими струйками вьется отравленный опиумомъ предательскій дымъ кальяна. Да, это востокъ!

Но вы миновали туземный городъ, и вотъ тарантасъ гремитъ по превосходному шоссе русскаго города. Картина мѣняется разомъ. Если бы не эта чудная зелень садовъ и бульваровъ, не это синее жаркое небо, вы бы могли подумать, что Азія разомъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, улетѣла отъ васъ на безконечно-далекое разстояніе. Но тѣмъ не менѣ эта рѣзкая разность въ бытовой обстановкѣ, религіозная рознь, иной складъ обычаевъ — все это не мѣшаетъ жить двойственному городу въ полной гармоніи. Одинъ полезенъ другому, одинъ не мѣшаетъ другому ни въ чемъ; они пополняютъ другъ друга, и оба выигрываютъ отъ этого взаимно-пополненія. Это-то свойство русской культуры, вытекающее непосредственно изъ личныхъ свойствъ русскаго человѣка, и составляетъ главнѣйшій залогъ свѣтлой будущности нашихъ завоеваній, упрочиваетъ нашу взаимную связь и дѣлаетъ эти завоеванія совершенно мирными, на вѣки вѣковъ прочными, хотя впереди ихъ и прокладывалъ себѣ дорогу трехгранный штыкъ русскаго солдата.

За Туркестаномъ, верстахъ въ 22-хъ, слѣдуетъ селеніе Иканъ. Подъѣзжая къ нему, вы видите вправо отъ дороги скромный обелискъ съ крестомъ и надписью. Это памятникъ павшимъ героямъ-уральцамъ сотни Сѣрова, въ продолженіи полутора сутокъ дравшимся здѣсь съ сорока тысячными полчищами мурлы Алемкула.

Селенія и кишлаки осѣдлыхъ таджиковъ и узбековъ отсюда встрѣчаются часто, за исключеніемъ недлиннаго пустыннаго переѣзда, до береговъ рѣки Арыса, уже подъ самымъ Чимкентомъ, вторымъ большимъ уѣзднымъ городомъ по ташкентскому тракту.

Тѣ голубыя, едва очерчивающіяся горы, которыя вы видите, подѣзжая къ Туркестану, растутъ и растутъ, по мѣрѣ того какъ вы подвигаетесь впередъ. Теперь уже ясно опредѣляются передъ вами громады горныхъ хребтовъ, окаймляющія долину Ангрена, житницу центральной Азіи.

Дорога все время идетъ на постепенный подъемъ. За Чимкентомъ — высшая точка перевала въ долину, и съ этой точки передъ вашими глазами развертывается цѣлый океанъ зелени. Роскошная природа сторицею воздастъ человѣку за его труды. Прелесть окружающихъ васъ пейзажей дѣлаетъ путь вашъ совсѣмъ незамѣтнымъ, и вы совершенно постепенно, также незамѣтно, подѣзжаете къ оригинальной приземистой аркѣ водопровода, за которою разомъ попадаете въ городъ — блестящую столицу нашего Средне-Азіатскаго края.

Всего только двадцать лѣтъ тому назадъ небольшой русскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Черныева впервые остановился передъ стѣнами древняго богатаго Ташкента со сто-тысячнымъ населеніемъ. Мѣстность, прилежавшая къ городу съ этой стороны, представляла собою жалкую, спаленную солнцемъ, почти не тронутую руками человѣка пустыню. Составленные въ козла ружья нашихъ солдатъ и легкія палатки были первыми постройками; осеннее ненастье заставило рыть землянки и соорудить жалкія мазанки, полууходящія въ глубину почвы; но съ этой же зимы распланировка будущаго русскаго города получила свою первоначальную фیزیономію. Домикъ за домикомъ выросли словно грибы послѣ дождя, вытягиваясь въ стройные ряды; молодыя деревца, по-

саженные по краямъ улицъ, быстро зазеленѣли, превращаясь въ тѣнистыя аллеи; пустыри-площади выравнивались и преобразовывались въ сады и парки. Но главный, сказочный ростъ города начался съ пріѣздомъ генерала Кауфмана, этого гениальнаго администратора, создавшаго изъ завоеваннаго дикаго матеріала стройное цѣлое, полное порядка и гармоніи, составляющее нынѣ одну изъ лучшихъ частей нашей Имперіи.

И если пріѣждему, незнакомому съ исторіей завоеванія края, показать русскій Ташкентъ такимъ, какимъ онъ есть въ данную минуту, съ красивыми правильными улицами, съ блестящими магазинами, съ чудными парками, благоухающей, роскошною флорою, съ учрежденіями общественно-воспитательными, съ прекраснымъ театромъ, съ этою кипучею, почти столичною жизнью и съ полною способностью развиваться все далѣе и далѣе, да при этомъ сказать, что все, что онъ видитъ, родилось, окрѣпло и выросло всего только въ двадцати-лѣтній періодъ, то, конечно, пріѣзжій незнакомецъ недовѣрчиво посмотритъ вамъ прямо въ лицо, да еще пожалуй обидится на такую, по его мнѣнію, грубую мистификацію. А между прочимъ это такъ, и богатырскій ростъ «не по днямъ, а по часамъ», воспѣваемый только въ сказкахъ, здѣсь, въ глубокой Азіи, силою русской энергіи нашель свое полное осуществленіе.

Н. Каразинъ.

تاشکنت ۱۸۶۵